

После разговора с русским генералом Наполеоном овладело заметное беспокойство. «...Ему казалось непонятым, — писал Коленкур, — как могло случиться, что захвачено так мало пленнх, когда редуты были взяты с такой стремительностью и окружены со всех сторон кавалерией неаполитанского короля. Он выразил неудовольствие по этому поводу и задал в связи с этим очень много вопросов. Он не скрывал, что желает других результатов и надеется на них. «Мы выиграем сражение, — сказал он, — русские будут разбиты, но дело не будет завершено, если у меня не окажется пленных». Император казался озабоченным». В таком настроении Наполеон и отправился в 4 часа дня в рекогносцировку, желая лично увидеть результаты сражения.

С трудом сев на лошадь (в этой поездке император был на Эмире и Куртуа), Наполе-

он шагом поехал вперед. Любое резкое движение вызывало у него боль. Сомнения, чувство неуверенности и неопределенности с новой силой завладели императором. Если накануне сражения Наполеон ставил перед собой двойную цель — разгромить русскую армию и войти в неприятельскую столицу, — то теперь он все более склонялся к иному решению. Цена, которую он реально должен был заплатить за разгром неприятельской армии, превосходила все его предварительные оценки и могла оказаться губительной. Не лучше ли было просто оттеснить русские войска и заставить Кутузова сдать Москву? В этом случае Наполеон, сохранив боеспособность своей армии, извлек бы главным образом политические преимущества, оказавшись в русской столице и, возможно, вынудив Александра к мирным переговорам.

Неприятель действительно отступает, но в таком порядке, так маневрирует и отстает позицию с такой отвагой, хотя наша артиллерия и сокрушает его войсковые массы, что нельзя надеяться на успех, если не пустить в атаку старую гвардию; при таком положении вещей успех, достигнутый этой ценой, был бы неудачей, а неуспех был бы такой потерей, которая зачеркнула бы выигрыш сражения, наконец, они обратили внимание императора на то, что не следует рисковать единственным корпусом, который еще остается нетронутым, и надо приберечь его для других случаев. Император колебался. Он снова выехал вперед, чтобы самому наблюдать за движениями неприятеля...

Все следовавшие одно за другим донесения говорили, что наши потери весьма значительны. Император принял решение. Он отменил приказ об атаке и ограничился распоряжением поддерживать корпуса, еще ведущие бой, в случае, если бы неприятель попытался что-нибудь сделать, что было маловероятным, ибо он также понес громадные потери. Сражение закончилось только с наступлением ночи. Обе стороны были так утомлены, что на многих пунктах стрельба прекратилась без команды. Бойцы ограничивались тем, что наблюдали друг за другом. Ночью император перенес свою ставку в тот пункт, где он остановился в начале сражения, — перед редутами.

Еще никогда мы не теряли в одном сражении столько генералов и офицеров. Успех сопоставлялся с таким упорством и огнем был такой убийственный, что генералы, как и офицеры, должны были платить своей жизнью, чтобы обеспечить исход атак... Пленных было мало. Русские проявили большую отвагу; укрепления и территории, которые они вынуждены были уступить нам, эвакуировались в по-

«НАШИ ПОТЕРИ ВЕСЬМА ЗНАЧИТЕЛЬНЫ»

Арман де Коленкур

рядке. Их ряды не приходили в расстройство; наша артиллерия громила их, кавалерия рубила, пехота брала в штыки, но неприятельские массы трудно было сдвинуть с места, они храбро встречали смерть и лишь медленно уступали нашим отважным атакам. Еще не было случая, чтобы неприятельские позиции подвергались такому яростному и таким планомерному атакам и чтобы их оттаивали с таким упорством. Император много раз повторял, что не может понять, каким образом редуты и позиции, которые были захвачены с такой отвагой и которые мы так упорно защищали, дали нам лишь небольшое число пленнх. Он много раз спрашивал у офицеров, прибывших с донесениями, где пленные, которых должны были взять. Он посылал даже в соответствующие пункты удостовериться, не были ли взяты еще русские пленные. Эти успехи без пленнх, без трофеев не удовлетворяли его. Несколько раз во время сражения он говорил князю Невшательскому, а также и мне:

А. де Коленкур — адъютант Наполеона.

Отъехав немного от Шевардинского редута, Наполеон приказал двинувшемуся было вперед гвардейскому резерву остановиться. Теперь окончательное решение, будет ли брошена вся гвардия в огонь, — а фактически вопрос об изменении всего стратегического плана Наполеона, — зависело исключительно от тех впечатлений, которые произведет на императора поле боя. Советы и комментарии лиц, сопровождавших Наполеона в этой поездке или встреченных им, могли усиливать или ослаблять эти впечатления.

Император пересек Каменский овраг и двинулся в направлении флешей. «Тем временем, — вспоминал Г.Роос, хирург 3-го Вюртембергского конно-егерского полка, находившийся со своим перевязочным пунктом у ручья Каменка, — поперек нашего оврага проехал с большой свитой Наполеон. Медленность

— Эти русские дают убивать себя, как автоматы; взять их нельзя. Этим наши дела не подвигаются. Это цитадели, которые надо разрушать пушками.

С утра император объехал все поле сражения. Он приказал заботливо подобрать и перенести на перевязочные пункты всех раненых, как французов, так и русских. **Никогда еще земля не была в такой мере усеяна трупами.** На возвышенности за деревней, которая находилась в центре атаки, земля была покрыта труппами солдат Литовского и Измайловского гвардейских полков, на которые обрушился удар нашей артиллерии...

Никаких пленных, никаких трофеев — вот что больше всего раздражало императора, и он часто жаловался на это. Зная, что неприятеля должны подкрепить новобранцы и ополченские корпуса, которые не могли еще присоединиться к армии, он лелеял надежду, что Кутузов еще раз даст сражение, перед тем как сдать столицу, а сам он будет иметь под ногами тем более твердую почву, что в одной руке он будет держать шпагу, а в другой — сделанные неприятелем предложения мира... Он говорил:

— Мы скрестили шпаги: честь спасена в глазах всего мира, и русские наделали себе достаточно бед, для того чтобы я стал требовать от них другого удовлетворения. Они не будут гнаться за тем, чтобы я нанес им второй визит, как и я не гонюсь за тем, чтобы снова побывать в Бородине.

Признаюсь, мне трудно было поверить, чтобы император даже ради своих подлинных интересов мог рассчитывать тогда остановиться перед Москвой, к которой он подошел так близко...

После Бородинского сражения император очень мало говорил со всеми окружающими: он казался очень озабоченным.

его передвижения, казалось нам, означает спокойствие и внутреннюю удовлетворенность ходом битвы, — ведь мы до сих пор не научились разбираться в выражении его серьезного лица...» Подъехав к флешам, Наполеон далее направляется к дер. Семеновское, «где остается долгое время. Ружейный и картечный огонь так силен, что штабу... приказано слезть с лошадей». Ружейные пули «поражают каждую выставляющуюся голову. Наполеон почти один отправляется вперед» (Пеле). Император, повторяя, что победа «не доставила еще следствий, которых можно было от нее ожидать», видит, что русские массы все еще не расстроены, но — наоборот — пытаются вновь сконцентрироваться и атаковать. Двигаясь по полю боя, Наполеон пытается оценить примерные потери русской армии. Они, как ему было очевидно, значительно превосходили французские, но могли составить не более 30 тыс. человек. Это мнение оказалось ошибочным. Психологически и Наполеон, и французское командование не были еще готовы к восприятию подлинных потерь того дня. Поэтому, зная, что русская армия составляла накануне сражения не менее 130 тыс., император мог предположить, что Кутузов располагает, хоть и потрепанными, но еще значительными силами. Особое впечатление на Наполеона произвело почти полное отсутствие пленных и значительных трофеев. Разбитые пушки, одиночные и раненые солдаты, захваченные французами, явно свидетельствовали о готовности русских продолжать борьбу. И все же, находясь возле дер. Семеновское, Наполеон не отваживается принять окончательное решение — отказаться от использования гвардии. Он приказывает войскам Даву и Нея, когда массы русских еще более будут расстроены орудийным огнем, вновь двинуться вперед.

К пяти часам вечера Наполеон прибыл к Курганной высоте. Отсюда он обозрел отступившие на километр русские порядки и энергично действующие со стороны дер. Горки батареи. «Наполеон, — отмечал Пеле, — хотел прорвать русскую армию, преследовать ее по пятам, чтобы довершить ее разрушение. Для этого нужно было взять последнее укрепление, этот горкинский редут, который, подерживая оборону Псаревского оврага, брал в тыл всю местность, лежавшую между селом и редутом кирасир (Курганной высотой. — В.З.)». Действительно, взятие Семеновского и «большого редута» не привело к прорыву русского фронта и выходу французов на их главную коммуникационную линию. Русская армия могла спокойно отойти в течение ночи. Проехав немного севернее Курганной высоты и оставив позади себя многочисленный штаб, Наполеон, используя заросли и перелески, попытался приблизиться к русским